

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш86

Parini Shroff
THE BANDIT QUEENS

Серия «Когда женщины убивают»

Печатается с разрешения литературного агентства
Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Перевод с английского *Ольги Павловской*

Оформление обложки *Виктории Давлетбаевой*

Шрофф, Парини.

Ш86 Королевы бандитов : [роман] / Парини Шрофф; — [перевод с английского Павловской О.] — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Когда женщины убивают).

ISBN 978-5-17-157146-7

Муж Гиты исчез пять лет назад. Бросил ее. Испарился. Так утверждает сама Гита, вот только злые языки ей не верят и уже распустили слух на всю деревеньку, что мужа так просто не растворяются в воздухе, и потому она... Убийца!

Что ж, и такую репутацию можно обернуть себе на пользу! Теперь Гиту побаиваются. Перейти ей дорогу? Нет, спасибо. Попытаться приструнить? Ну не идиоты же мы! Посметь не купить у нее украшения ручной работы, созданием которых она и зарабатывает себе на жизнь? Дайте два!

Но особенно полезна Гита оказывается для других жительниц деревни, которые по ее примеру хотят избавиться от назойливых, скупых и ревнивых мужей. Вот только есть одна загвоздка: Гита своего суженного не убивала, и как это сделать — не знает. А очередь из гневных женщин, желающих стать вдовами, перед дверями ее лавочки продолжает расти...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-157146-7

© 2023 by Parini Shroff
© Павловская О., перевода, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Артуру,
моему штурману,
позывной Невага-1-2-1-Папа-Папа*

1

Женщины злились и судачили. Кредитный инспектор должен был подъехать через пару часов, а им все еще не хватало двухсот рупий. Точнее, не хватало Фарах и ее двухсот рупий. Остальные четыре участницы одной из нескольких деревенских групп программы коллективного кредитования уже собрались, как всегда по вторникам, перед общим сходом, чтобы потом вскладчину выплатить проценты.

— Где же она? — поинтересовалась Гита.

Ей никто не ответил. Вместо этого женщины продолжили перемывать косточки Фарах, которая, на взгляд Гиты, в банных процедурах не сильно-то и нуждалась. Тон всему разговору задавала Салони — способность этой женщины источать яд могла сравниться лишь с ее же склонностью к обжорству.

— И ведь не в первый раз, заметьте, — сказала Прия.

— Можешь не сомневаться, и не в последний, — завила Салони.

Когда же Прити заявила, что она своими глазами видела, как Фарах *вроде бы* покупала гашиш, Гита сочла своим долгом снова попытаться вернуть коллег к прозе жизни.

— Варунбхай¹ будет недоволен, — подала она голос.

¹ В данном случае «-бхай» — гоноратив в языке гуджарати, суффикс, который добавляется к мужскому имени и выражает уважительное отношение говорящего; буквально означает «брат». (*Здесь и далее примеч. пер.*)

— Ну ясно, теперь мы знаем, куда улетают денежки Фарах, — проигнорировала ее Прия.

— Скорее уж не туда, а к одному набожному мусульманину, всем вам известному, — фыркнула Салони, взмахнув рукой с изяществом, доступным при ее габаритах.

В последнее время она пыталась позиционировать свои пышные телеса как символ высокого общественного статуса, да и с ее сверхъестественной способностью к буллингу они тоже неплохо сочетались. Но Гита знала Салони и все ее семейство с самых ранних лет — с тех пор, как та верховодила еще на детской площадке, а не в группе заемщиц, — и потому могла с уверенностью обосновать ее нынешний избыточный вес генетикой, подстроившей Салони подлянку после тридцати, а вовсе не обретенным ею богатством и влиянием. По иронии судьбы, Салони первые девятнадцать лет жизни постоянно голодала, была тоненькой, как иголочка, и, как иголочка, умела больно кольнуть уже тогда. Потом она вышла замуж, превратилась в роскошную красавицу, после первых родов ухитрилась вернуть себе стройную фигуру, а вот после вторых ей это уже не удалось.

Гита слушала пересуды и с исследовательским интересом наблюдала, как женщины упражняются в злословии. Должно быть, точно так же они шептались и у нее, у Гиты, за спиной, после того как пропал Рамеш, называли ее «падшей женщиной, смешанной с грязью», замолкали, когда она приближалась, да изображали сочувствующие улыбки, искренние, как обещания политиков. Но сегодня, спустя пять лет после исчезновения мужа, она чувствовала себя уже не парией, а частью коллектива, и всё благодаря отсутствию Фарах. Честь эта, впрочем, была сомнительная.

Гита машинально коснулась мочки уха. Раньше, когда еще носила украшения, она часто так делала, проверяя, на месте ли сережки. Ощутимый, но приятный укол «гвоздика» в подушечку большого пальца очень успока-

ивал. И привычка эта сохранилась у Гиты даже после того, как из ее жизни ушел Рамеш и она перестала надевать какие бы то ни было побрякушки — кольцо для ноздри, браслеты, серьги.

В конце концов она устала слушать сплетни и преврала измышления женщин о предательстве Фарах:

— Если каждая из нас добавит еще по пятьдесят рупий, мы наберем для Варунбхая нужную сумму.

На этот раз ей удалось привлечь их внимание. В комнате сделалось тихо. Гита даже снова услышала слабое гудение своего вентилятора под потолком. Крутящиеся лопасти сливались в полупрозрачный диск и покачивались, как маленький хулахуп. Эта штукавина выполняла чисто декоративную функцию — неумолимый зной не собирался из-за нее отступить. Вентилятор висел на толстой веревке, которую Рамеш приладил к нему еще в их старом доме. Это было в самом начале их семейной жизни, поэтому, когда муж неуклюже взгромоздился на стремянку, Гите еще можно было смеяться, и он даже сам хохотал вместе с ней. Приступы ярости у Рамеша начались лишь на втором году брака, после смерти родителей Гиты. Когда ей пришлось переехать в этот дом, поменьше, она уже самостоятельно лазила под потолок привязывать веревку.

Ящерка стремительно пересекла стену по диагонали и шмыгнула под притолоку. Мать говорила Гите, что ящериц бояться не надо — они, мол, приносят удачу. Сейчас ей ужасно хотелось, чтобы эта рептилия шлепнулась из темноты на темечко кому-нибудь из женщин, — предпочтительно Салони, которая панически боялась любой живности, за исключением почему-то пауков. Двух других заемщиц, сестер Прию и Прити, нельзя было назвать ни злыми, ни добрыми, но они всегда слушались командиршу Салони. В каком-то смысле Гита им сочувствовала, потому что и сама когда-то беспрекословно подчинялась ее воле.

— Ни в коем случае, — заявила Салони в ответ на предложение Гиты. — Это проблема Фарах.

Гита прошла мечтательным взглядом по темной стене в ожидании чемпионского броска ящерицы. Но ничего не произошло.

— Нет, наша, — возразила она. — Если мы не выполним обязательства по договору, Варунбхай не даст нам еще один кредит на следующий год.

Женщины помрачнели — все знали, что власти выдают в деревнях только групповые кредиты, на индивидуальные можно не рассчитывать. И началось: базарные бабы тотчас превратились в мучениц и давай жаловаться друг дружке, состязаясь за первенство в том, кто тут самая бедная и несчастная.

— Мне детям надо учебники покупать, а книги всё дорожают и дорожают, — скривила губы Салони. — Но быть матерью — бесценный дар.

— А мы только что еще одну буйволицу купили. Дети у меня молоко хлещут как не в себя. Я им говорю: если пить захотелось, пейте воду! — Прити закашлялась. — Но ребятишки — это ж такая радость.

— У меня сын ухо застудил, к врачу его везти надо. Кричит как ненормальный *целыми днями!* — Прия вздохнула и поспешила добавить: — Но сыновьями нас благословляют боги.

— Счастье материнства, — подытожили они хором, — величайшее благо!

Прити и Прия, близнецы, некогда были неотличимы друг от друга, а сейчас на лице и шее Прити алым блеском отливали шрамы от ожогов, когда она энергично кивала в знак согласия с вышесказанным.

— А ты чего притихла, Гитабен¹? — осведомилась Салони. Короткие рукава *чоли* — блузки, надетой под сари, — туго натянулись на ее широких пухлых плечах, а дальше плечи переходили вдруг в изящные локти и тонкие предплечья, оставшиеся такими же, как в юности.

¹ Гоноратив «-бен» добавляется к женским именам и буквально означает «сестра».

Казалось, эти части рук принадлежат двум разным женщинам.

— Мне счастье материнства незнакомо, — произнесла Гита, когда смолкли все охи и вздохи. Голос ее был спокоен, но улыбка мрачна и беспощадна. — Зато я знаю, что такое счастье хорошо выспаться и потратить деньги на себя.

Никто не засмеялся. Женщины устремляли взгляды куда угодно — в потолок, на вентилятор, на дверь, друг на друга, но только не на нее. Гита давно поняла одну вещь: человеку нужно иногда смотреть кому-то в глаза, чтобы не чувствовать себя невидимкой. Она уже начала привыкать к тому, что люди рядом с ней испытывают дискомфорт — никто не любит напоминаний о том, что ему задаром достались блага, отнятые у другого судьбой. При этом ощущение горечи от того, что Рамеш украл у нее все без остатка, бросив вот так, в одиночестве, Гиту больше не посещало. Порой ей хотелось сказать женщинам: цепляйтесь и дальше за своих мужей-кровососов, я не испытываю ни капли зависти к вам, не мечтаю о вашей доле, не претендую ничуть на вашу жалкую занюханную жизнь. Да, у нее больше не было друзей, зато была свобода.

Еще одна ящерка шмыгнула по стене. Гита, конечно, ценила удачу не меньше, чем кто-либо, но две ящерицы для нее были перебором. Еще вспомнились приметы про старого друга: увидеть, как две ящерицы спариваются, — к неожиданной встрече с ним, а как они дерутся — к вашей ссоре.

— Я заплачú, — сказала Гита, протягивая руку к стоявшей в углу садовой метле. — У меня нет детей, нет мужа и нет буйволицы. — Она потыкала жесткими прутьями метлы-*гжхагу* в темный угол потолка, упустила ящериц и дважды от души шарахнула по стене.

Кто-то задушенно ахнул. Прия нырнула за широкую спину Салони, как будто Гита представляла угрозу. Собственно, многие про Гиту именно так и думали. Ее счи-

тали *чурел* — злобным духом из тех, что, по преданиям, пожирают детей и делают женщин бесплодными, а мужчин — бессильными. Чтобы разгуливать в нашем мире в виде *чурел*, Гите, по тем же преданиям, сначала следовало бы умереть, но эта логическая нестыковка деревенских сплетников не смущала.

Салони тыльной стороной ладони вытерла пот над верхней губой, но там тотчас снова заблестели капельки. Она смерила Гиту взглядом, и та сразу вспомнила ее в четырнадцать лет — как эта владычица двора стояла, тоненькая, надменная, прислонившись бедром к велику, в окружении своей свиты, а мальчишки вздыхали.

Одна ящерица в конце концов отвалилась с потолка, пролетев, к сожалению, мимо презрительного лица Салони, и закружилась на полу, оглушенная. Гита метлой отогнала ее к открытой двери на улицу.

— Что ж, — сказала Салони. — Значит, договорились: Гита возместит недостающее, а с Фарах сама потом разберется. Все правильно. — В ее интонации не было и намек на вопрос.

Одобрение было выражено властно и бесповоротно, так что остальные даже не пикнули в знак протеста. Социальный вес Салони не уступал весу физическому. Ее свекор возглавлял *панчаят* — деревенский совет. Пять лет назад, когда правительство потребовало соблюдать квоты и одно из пяти мест в совете предоставить женщине, выбор очевидным образом пал на Салони. И еженедельные встречи их отдельно взятой группы перед общим собранием всех деревенских заемщиц тоже проходили обычно у нее, но на этой неделе женщины решили прийти в пустой дом Гиты, не потрудившись объяснить ей причину.

Близняшки поглядывали на Гиту с опаской, словно видели перед собой грозную богиню Кали, у которой вместо метлы в руках острый серп. Гита догадывалась, что в тот момент они думали о Рамеше, о том, что она могла с ним сделать. И ощущение причастности к кол-

лективу вдруг куда-то испарилось — теперь женщины избегали смотреть ей в лицо и старались не коснуться ее руки, когда отдавали деньги на пути к выходу. Одна только Салони удостоила ее взглядом, и хотя Гита отчетливо увидела в ее глазах привычную насмешку, это все-таки было какое-никакое признание, какой-никакой ответ — пусть и не слишком вежливый, но положительный — на вопрос о присутствии Гиты в этом мире, в этой деревне и в этом сообществе.

Когда все трое покинули ее дом, Гита захлопнула за ними дверь.

— Не стоит благодарности, — пробормотала она себе под нос, обращаясь неведомо к кому в ответ на неизреченное «спасибо».

* * *

Фарах явилась к ней тем же вечером, подавленная и робеющая, с восковой тыквой в качестве подношения. Левый глаз у нее был багровым и заплывшим — тоненький пестик на фоне пурпурного цветка, — нижняя губа разбита. Гита мысленно приказала себе не таращиться на фингал, когда Фарах протянула ей продолговатый зеленый овощ.

— Это еще зачем?

Фарах покачивала тыквой в воздухе, пока Гита ее не взяла.

— Все же знают — нельзя в чужой дом стучаться с пустыми руками. Ко мне заходила Салонибен. Сказала, ты покрыла мой долг. Спасибо тебе. Еще она сказала, что я должна обсудить с тобой процентную ставку, потому что...

— Салони — та еще сука! — отрезала Гита, и Фарах невольно моргнула от крепкого словца. — У меня только один вопрос, — продолжила Гита, прислонившись плечом к дверному косяку и уперев длинную тыкву одним концом в ладонь, как дубинку. Приглашать визитершу в дом она, судя по всему, не собиралась.

Фарах нервно переступила с ноги на ногу:

— Я расплачусь с тобой, как только...

— Навратри¹ закончились, а значит, как я могу догадаться, у тебя недавно было много заказов на новые платья, — перебила Гита.

Фарах кивнула.

— Мне кажется, мы обе знаем, кто так разукрасил твое лицо.

— Этого я от тебя не слышала, Гитабен! — Фарах обхватила себя за локти и попятилась.

— Что ты будешь делать, если муж опять отберет у тебя деньги? — задала обещанный вопрос Гита.

Фарах закрыла глаза:

— Не знаю.

— На что он потратил твой заработок?

— Отнес Карембхаю.

Гита знала Карема, так же, как и ее муж, Рамеш. Карем продавал в своем магазинчике бижутерию, оставшуюся после смерти жены и на редкость безобразную. Прибыли этот бизнес не приносил, зато подпольная торговля алкоголем² позволяла ему прокормить целую ораву детей.

— Если другие женщины расскажут про твою беду своим мужьям, возможно, те сумеют как-то повлиять на твоего.

— Нет! — Широкие брови Фарах взметнулись вверх, а здоровый глаз округлился от ужаса так, что теперь заплывший казался еще меньше.

Зрелище было такое неприятное, что Гита предпочла смотреть куда-то в область ее ключиц.

¹ Навратри (Наваратри) — «Девять ночей» (санскр.) Индуистский десятидневный праздник, который отмечается два раза в год, весной и осенью, с первого дня после новолуния, и посвящен богине-матери Шакти-Дэви.

² С 2009 г. в индийском штате Гуджарат действует сухой закон; он был принят после массовых отравлений метиловым спиртом.

— Нет, пожалуйста, не надо, не рассказывай никому! — взмолилась Фарах. — Самир будет в бешенстве. И потом, вряд ли тебе удастся договориться с другими женщинами — меня здесь не любят.

Это стало для Гиты новостью — она считала себя единственным аутсайдером в группе заемщиц и удивилась словам Фарах.

— Тогда, может, спрячешь свои деньги где-нибудь подальше от дома и солжешь мужу? — вздохнула Гита.

— Я уже подумала об этом на прошлой неделе, когда муж отобрал у меня первую часть заработка. — Фарах слотнула, и Гита невольно проследила, как у нее на шее дернулся под кожей хрящик. Фарах указала на свою разбитую губу: — Но он нашел, где я спрятала новую выручку. — Она шагнула вперед. — Можно мне войти?

— Зачем? — спросила Гита, машинально отступив в сторону, чтобы ее пропустить.

Фарах наклонилась снять сандалии, и тонкая ткань блузки-чоли натянулась на острых лопатках, будто под ней шевельнулись нарождавшиеся крылышки.

Гита не предложила ей присесть, не подала стакан воды. Гостей по традиции следовало принимать как богов, но Фарах не была гостьей, да к тому же Гита хоть и посещала храм трижды в год, не была такой набожной, как ее мать.

Две женщины стояли босые друг напротив друга посреди единственной комнаты в домишке Гиты. Фарах подступила ближе, и Гита испуганно сделала шаг назад. Ей не нравилась эта бесцеремонность, как будто Фарах самочинно назначила ее себе в наперсницы. Подругами они никогда не были — Гита покрыла долг Фарах не по доброте душевной, а по необходимости, и вот теперь Фарах добивалась ее внимания с упорством брошенной собаки.

Гите вдруг захотелось сказать ей: имей гордость, хоть капельку достоинства, соберись, таких людей, как твой муж, обкрадывающих своих близких, пруд пруди. Это

при том, что Гита всегда старалась не только не вмешиваться в чужие дела, но и не раздавать советы. Совет предполагал некую заботу о человеке, а ее девизом было безразличие.

Но тут Фарах заявила:

— Ты ведь должна помнить, как это тяжело. Рамешбхай тоже все время ходил к Карему раньше, пока...

И желание как-то утешить эту женщину у Гиты пропало напрочь. Фарах осеклась, не договорив, — видимо, запоздало проснулось чувство такта, однако главное уже прозвучало и умолкать было поздно. Разнообразные варианты окончания этой фразы словно закружились по комнате, как оборванные хвостики ящериц, заметались эхом слухи, которыми полнилась деревня, с тех пор как Рамеш пропал: «...пока она не подсыпала ему в еду толченное стекло», «...пока она не выпила из него всю кровь», «...пока она не порубила его тело на куски и не скормила собакам...».

— Да, — наконец вымолвила Гита. — Раньше.

Фарах пора было убираться восвояси, Гите не терпелось захлопнуть за ней дверь, чтобы больше не видеть заплавленного глаза — этого живого упрека — и ее нахальных попыток завязать панибратские отношения. Но Фарах не сдавалась:

— Мне нужна твоя помощь. Одна услуга.

Просьба была настолько дерзкая, что Гита не просто удивилась, а почувствовала что-то вроде завистливого уважения к нахалке.

— В смысле — еще одна услуга? — уточнила она. — У меня больше нет для тебя денег.

— Нет-нет, я не об этом. Мне кажется, я знаю, как отделаться от Самира.

— Вот и славно, — кивнула Гита. — Отделайся. Тогда сможешь вернуть мне долг. — Она начала теснить незваную гостью к двери, как ящерицу нынче днем, разве что не прошлась метлой по босым растрескавшимся пяткам Фарах.

— Нет, погоди. — Фарах проскользнула еще дальше в комнату, и Гита лишь вздохнула. — Ты ведь отделалась от Рамеша. Он напивался и бил тебя, я же знаю. Я видела! Все видели.

— Все видели, — повторила Гита. — И никто ничем не помог.

Фарах поникла головой и будто бы снова оробела:

— Это же были дела семейные...

Гита кивнула:

— Вот и у тебя дела семейные. Всего хорошего, Фарахбен. — Добавлять к имени собеседницы почтительный суффикс «-бен» — «сестра» — от нее вовсе не требовалось, потому что она была старше Фарах. Но таким образом Гита создавала между ней и собой своего рода дистанцию и от этого чувствовала себя комфортнее. Она уже потянулась к дверной ручке.

— Научи меня! — выпалила Фарах; ее здоровый глаз лихорадочно блестел — Гита никогда раньше не видела ее в таком нервном возбуждении. — Я тоже хочу отделаться от мужа. Мне просто нужно знать, как ты отделалась от своего, как тебе удалось все сделать потихому!

— То есть под словом «отделаться» ты имеешь в виду...

— Убить его! — докончила за нее Фарах, и это было слишком пылко и громко, к тому же она сопровождала свое заявление шлепком одной ладони по другой, прозвучавшим неприятно смачно. — Грохнуть. Избавиться навсегда. Прикончить, как собаку. — Она прищелкнула языком, одновременно чиркнув себя по шее большим пальцем.

Гита уставилась на нее во все глаза:

— Ты, часом, по дороге сама-то не закупились у Карема?

— Разумеется, нет! — На лице Фарах отразилась такая обида, будто сама мысль об этом нравственном преступлении была ей отвратительна. Она тяжело и часто дышала, почти задышалась.

— Успокойся, — велела Гита.

Фарах кивнула, замахав на разгоряченное лицо ладонями, будто двумя веерами, и быстро забормотала на выдохе:

— *Кабадди, кабадди, кабадди...*

— Ты что несешь? — опешила Гита.

Дыхание Фарах потихоньку выровнялось.

— Мне это помогает глубже дышать. Ну, знаешь, как в игре¹. — Она пожала плечами. — Когда я нервничаю или сильно чего-то боюсь, меня это успокаивает. Как будто мантру читаю.

— Твоя мантра — «кабадди»?!

— Ну да, понимаю, звучит странно.

— Нет, странно ты вела себя до сих пор, а это уже дико странно! — Гита тоже сделала глубокий вдох. Разговор, который должен был уложиться в две фразы («Спасибо, Гитабен». — «Не за что, Фарах»), превратился в какое-то сумасшествие. И если она позволила себе зайти так далеко, что та уже контроль над собой теряет, неужели виной всему ее, Гиты, неутоленная жажда общения? Так изголодалась по компании, что теперь потворствует Фарах в ее безумии?.. Гита поправила выбившиеся из прически пряди волос и продолжила очень спокойно: — Ты сама не понимаешь, что говоришь, Фарах. Не мни себя Королевой бандитов, ты не она, чтобы убивать мужчин направо и налево. Иди домой и постарайся думать о чем-нибудь другом.

¹ «Кабадди» — спортивная игра, появившаяся в Древней Индии и популярная до сих пор. Две команды играют на прямоугольной площадке, поделенной на две части. Рейдер, «нападающий», должен за одну пробежку пересечь срединную линию, дотронуться на половине другой команды до как можно большего количества соперников, чтобы набрать очки, и вернуться на свою половину, обойдя «защитников». При этом пробежку нужно совершить на одном дыхании, то есть на выдохе, без вдоха, в доказательство чего рейдер обязан непрерывно повторять вслух слово «кабадди». Контроль за дыханием здесь построен на пранаяме — одной из йогических практик.